

УДК 81-25**DOI: 10.34670/AR.2026.51.91.042****Переводческие аспекты семантических несоответствий в
уголовно-правовой терминологии (на материале русского и
английского языков)****Власенко Наталья Ивановна**

Кандидат филологический наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет,
305040, Российская Федерация, Курск, 50 лет Октября ул., 94;
e-mail: natashavlasenko@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу семантических несоответствий в уголовно-правовой терминологии русского и английского языков на примере права Англии. Актуальность работы обусловлена необходимостью точной передачи юридических понятий в условиях глобализации и правового взаимодействия. Цель исследования — выявить лингвистические особенности и системные расхождения, препятствующие прямому сопоставлению терминов. В результате анализа установлено, что различия обусловлены как типологическими особенностями языков, так и глубинной спецификой правовых семей (общего и континентального права). Предложены пути минимизации смысловых потерь при переводе.

Для цитирования в научных исследованиях

Власенко Н.И. Переводческие аспекты семантических несоответствий в уголовно-правовой терминологии (на материале русского и английского языков) // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 6А. С. 350-356. DOI: 10.34670/AR.2026.51.91.042

Ключевые слова

Уголовно-правовая терминология, семантическое несоответствие, сравнительное правоведение, право Англии, юридический перевод, эквивалентность терминов, общее право, континентальное право.

Введение

В условиях глобализации и усиления международного правового сотрудничества возрастает потребность в точном и адекватном переводе юридических текстов. Особую сложность представляет передача уголовно-правовой терминологии, поскольку ошибки в этой сфере могут привести к искажению правовых норм, неверной квалификации деяний и серьёзным последствиям в судебной практике, например, при экстрадиции или подготовке международных договоров. Вопросы межъязыковой эквивалентности юридических терминов рассматривались в трудах таких учёных, как С. С. Алексеев, Т. В. Губаева, М. Т. Кабре, Р. Давид, Дж. Флетчер и др. Однако, несмотря на обилие работ по юридическому переводу, сравнительный анализ именно семантических механизмов расхождений в уголовно-правовой лексике русского и английского языков остаётся недостаточно изученным. Целью данного исследования является выявить лингвистические и экстралингвистические причины семантических расхождений в уголовно-правовой лексике двух языков и предложить способы их преодоления при переводе. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: определить теоретические основания сравнительного анализа юридической терминологии; систематизировать типы семантических несоответствий на примере конкретных терминологических групп и выявить факторы, обуславливающие эти расхождения. Материалом исследования послужили термины и понятия из Уголовного кодекса РФ и уголовного права Англии, а также лексикографические источники.

Теоретические основания изучения семантических несоответствий в юридической терминологии

Правовая терминология представляет собой особый пласт лексики, обладающий высокой степенью точности и однозначности в пределах конкретной правовой системы. В отличие от общеупотребительной лексики, юридические термины не только обозначают явления или категории, но и непосредственно связаны с наступлением определённых правовых последствий [Алексеев, 2010]. Это придаёт юридическому языку формализованный и нормативный характер, в котором каждое слово должно корреспондировать с устоявшимся значением, принятым в правовой практике. Как справедливо отмечает Т. В. Губаева, лингвистическое изучение таких терминов требует учёта не только их лексической формы, но и институционального контекста [Губаева, 2012].

Одна из ключевых проблем, возникающих при сопоставлении правовых терминов разных языков, — это отсутствие полной эквивалентности. Даже при наличии внешнего сходства в форме или переводе юридическое содержание терминов может кардинально различаться [Cabré, 1999]. В переводоведении принято выделять несколько типов соответствий: полные эквиваленты, частичные эквиваленты, функциональные аналоги и безэквивалентную лексику [Виноградов, 2001].

Язык права не существует вне культурной и правовой традиции. В англосаксонской системе (право Англии) правовая лексика развивалась в условиях прецедентного права (*case law*), где определяющую роль играет судебный прецедент и устоявшиеся формулы судей. В русском языке, принадлежащем к романо-германской (континентальной) системе, терминология опирается на кодифицированные нормы закона. Как подчёркивает Р. Давид, это фундаментальное различие влияет на структуру лексики и способы её употребления [David, 2016]. Таким образом, анализ правовых терминов невозможен без учёта культурно-правового

контекста. При сопоставлении терминов следует различать расхождения, обусловленные различиями в системах права (экстралингвистический фактор) и расхождения, обусловленные собственно языковыми (структурно-типологическими) особенностями.

Экспериментальное исследование семантических несоответствий

В данном разделе представлен сопоставительный анализ трёх терминологических групп уголовно-правовой лексики: преступления против чести и достоинства, преступления против личности, преступления против общественного порядка, а также рассматриваются случаи безэквивалентной лексики.

Одним из наиболее ярких примеров семантического несоответствия является русский термин «клевета» и его предполагаемые английские эквиваленты *defamation*, *libel* и *slander*. На первый взгляд, все эти слова обозначают распространение ложной информации, порочащей репутацию. Однако при более тщательном анализе становится очевидным, что за внешним сходством скрываются существенные различия как в объёме понятий, так и в правовых последствиях.

В российском уголовном праве, в соответствии со статьёй 128.1 УК РФ, термин «клевета» охватывает любые случаи заведомо ложного распространения сведений, порочащих репутацию лица. Закон не делает различий между устной и письменной формой, не устанавливает специфических требований к аудитории или контексту высказывания. Понятие остаётся широким и сравнительно недифференцированным. Кроме того, в России клевета квалифицируется как уголовное преступление.

В английском праве, напротив, существует чёткое разграничение. Родовым понятием служит *defamation* — нанесение ущерба репутации посредством ложных утверждений. Однако в зависимости от формы высказывания используется либо *libel* (для письменной, печатной или иной фиксированной формы), либо *slander* (для устной речи или временных форм выражения). Это разделение важно не только с точки зрения классификации, но и для определения правовых последствий. Для *slander* часто требуется доказать реальный материальный ущерб, в то время как для *libel* ущерб презюмируется по умолчанию. Кроме того, в Англии защита репутации традиционно строилась через гражданские иски, а не уголовное преследование [Price, 2019].

Причины этих различий коренятся в особенностях правовых традиций. В англосаксонском праве большое значение придаётся нюансам формы и контекста высказывания, а сами категории формировались на основе судебной практики. В континентальной системе, к которой относится российское право, уголовное законодательство стремится к большей обобщённости и нормативной формализации понятий.

Особенно наглядно проявляются различия в обозначении преступлений против личности, связанных с физическим воздействием. В русском языке распространены термины «побои» и «причинение вреда здоровью», которые различаются в зависимости от степени тяжести последствий, причинённых действиями. Эти понятия отражают медицинский и правовой подход к квалификации телесных повреждений и тесно связаны с физическим результатом деяния. Соответствующие статьи УК РФ (115 и 116) дифференцируют ответственность именно по степени тяжести вреда.

В уголовном праве Англии используются термины *battery* и *assault*, которые не имеют точных лексических эквивалентов в русском языке, несмотря на внешнюю схожесть с общеупотребительными словами. *Battery* обозначает непосредственное физическое прикосновение к другому лицу без его согласия, даже если последствия минимальны.

Фактически, любое нежелательное прикосновение может быть квалифицировано как *battery*. Напротив, *assault* в английском праве может не включать физического контакта вовсе — достаточно лишь угрозы применения силы, вызывающей у пострадавшего обоснованный страх немедленного насилия. Это резко контрастирует с бытовым пониманием слова *assault*, которое в русском языке часто переводят как «нападение», подразумевая физическое насилие [Card, 2020].

Такое различие обусловлено не только особенностями правовых систем, но и историко-культурным развитием правовой лексики. В английской правовой традиции, где большое значение придаётся защите личной автономии и границ тела, даже прикосновение без согласия рассматривается как нарушение. В русской традиции, напротив, правовая оценка строится преимущественно на объективно измеримом ущербе здоровью. Это отражается и в языке: русский язык делает акцент на материальные последствия, в то время как английский — на сам факт посягательства [Fletcher, 2000]. Попытка прямого перевода этих терминов приводит к семантическому смещению: *assault*, переведённое как «нападение», не раскрывает сути правового понятия в английской системе, а *battery* может ошибочно восприниматься как нечто более серьёзное, чем оно есть в действительности.

Преступления против общественного порядка нередко становятся источником семантических трудностей при межъязыковом сопоставлении, поскольку они отражают не только нормы права, но и культурные представления о допустимом поведении в публичном пространстве. Так, российское понятие «хулиганство» (статья 213 УК РФ) представляет собой относительно широкую категорию, охватывающую грубые нарушения общественного порядка, часто с признаками агрессии или явного неуважения к обществу.

В английском праве ему не соответствует один конкретный термин. Вместо этого используется ряд понятий, каждое из которых обозначает различные формы общественно нежелательного поведения. Термин *affray* подразумевает участие в драке в общественном месте, вызывающей страх у посторонних лиц. *Disorderly conduct* охватывает более широкий спектр действий, нарушающих общественный порядок, включая громкие крики, агрессивное поведение или отказ подчиняться требованиям полиции. *Public nuisance* может включать действия, мешающие спокойствию окружающих, но не обязательно сопровождающиеся агрессией [Smith, Hogan, 2018].

Попытка передать все эти термины единым словом «хулиганство» при обратном переводе ведёт к утрате значимых нюансов и может создать ложное представление о тяжести и характере деяния. В английском праве каждое из этих понятий имеет свои условия квалификации и соответствующие санкции, тогда как российское законодательство предлагает единую, хотя и градуированную по тяжести, статью.

Ещё более сложной становится ситуация при переводе специфических правовых понятий, не имеющих прямых аналогов в другой правовой системе. В праве Англии существует термин *entrapment*, обозначающий провоцирование лица на совершение преступления со стороны правоохранительных органов. В российском праве подобное поведение представителей власти может считаться недопустимым, но не оформлено как самостоятельное юридическое понятие с чёткими критериями и правовыми последствиями.

Отсутствие эквивалента делает затруднительным как перевод, так и интерпретацию данного термина. При буквальном переводе — например, как «ловушка» или «провокация» — может быть утрачен правовой контекст, в котором *entrapment* выступает основанием для оправдания обвиняемого. Это классический случай безэквивалентной лексики, требующий либо описательного перевода, либо создания нового термина, что не всегда эффективно.

Заключение

Обобщая результаты анализа, можно выделить две основные группы причин семантических несоответствий. Ключевой причиной является принадлежность правовых систем к разным правовым семьям. Английское право, опирающееся на судебный прецедент, порождает казуистичность и детализацию терминологии. Континентальное право, напротив, стремится к абстрактности и обобщённости норм, закреплённых в кодифицированных актах.

Кроме того, существенную роль играют собственно лингвистические особенности. Английский язык обладает более развитой системой синонимии для обозначения смежных преступлений, что позволяет точно разграничивать близкие, но разные понятия, например, *theft*, *robbery*, *burglary*. Русский язык, особенно в официально-деловом стиле, тяготеет к унификации и обобщению, вследствие чего разные действия могут описываться одним термином. При этом даже наличие в русском языке разграничения на «кражу» и «грабёж» не обеспечивает полной семантической эквивалентности английским терминам. Если в российском праве ключевым критерием для «грабежа» является открытость хищения, то английский термин *robbery* обязательно подразумевает использование силы или угрозу её применения непосредственно в момент совершения преступления [Ormerod, 2021]. Таким образом, семантическое поле английского термина смещено в сторону насильственного компонента, что делает его ближе к российскому понятию «разбой», создавая тем самым дополнительные трудности при правовой квалификации в процессе перевода.

Установлено, что прямой, буквальный перевод уголовно-правовых терминов ведёт к смысловым искажениям. Рекомендуются дифференцированные переводческие стратегии: при частичной эквивалентности — использование уточняющих комментариев или описательных конструкций, раскрывающих объём понятия; при расхождении в критериях дифференциации — адаптивный перевод с учётом широкого контекста и правовой системы исходного текста; при безэквивалентной лексике предпочтительными стратегиями являются описательный перевод или калькирование с последующим определением термина в сноске или глоссарии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что правильный выбор переводческой стратегии имеет критическое значение в правовых сферах, где ошибка может повлиять на квалификацию деяния, исход судебного разбирательства или содержание международных соглашений. Причём особенно опасны такие ошибки в случаях экстрадиции, перевода обвинительных актов и решений судов, где даже незначительное семантическое смещение может привести к серьёзным правовым последствиям. Таким образом, юридический перевод представляет собой сложную междисциплинарную задачу, в которой необходимо учитывать не только значение слов, но и правовой, культурный и институциональный контекст, поскольку недостаточно найти формально-лексический эквивалент — необходимо, чтобы термин отражал одну и ту же правовую реальность в обеих системах.

Библиография

1. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. — М.: Статут, 2010.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
3. Губаева Т. В. Лингвистика права и юридическая лингвистика: соотношение понятий // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2012. — № 4. — С. 8–13.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.03.2024) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
5. Cabré M. T. Terminology: Theory, Methods and Applications. — Amsterdam: John Benjamins, 1999.

6. Card R. Card, Cross and Jones: Criminal Law. — 23rd ed. — Oxford: Oxford University Press, 2020.
7. David R., Jauffret-Spinozi C. Les grands systèmes de droit contemporains. — 12e éd. — Paris: Dalloz, 2016.
8. Fletcher G. P. Rethinking Criminal Law. — Oxford: Oxford University Press, 2000.
9. Ormerod D., Laird K. Smith, Hogan, and Ormerod's Criminal Law. — 17th ed. — Oxford: Oxford University Press, 2021.
10. Price D. Defamation: Law, Procedure and Practice. — 5th ed. — London: Sweet & Maxwell, 2019.
11. Smith J. C., Hogan B. Criminal Law: Cases and Materials. — 15th ed. — London: LexisNexis, 2018.

Translation Aspects of Semantic Discrepancies in Criminal Law Terminology (Based on the Material of the Russian and English Languages)

Natal'ya I. Vlasenko

PhD in Philology, Associate Professor,
Southwest State University,
305040, 94, 50 let Oktyabrya str., Kursk, Russian Federation;
e-mail: natashavlasenko@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of semantic discrepancies in the criminal law terminology of the Russian and English languages on the example of English law. The relevance of the work is conditioned by the need for accurate transmission of legal concepts in the context of globalization and legal interaction. The objective of the research is to identify linguistic features and systemic divergences that impede the direct comparison of terms. As a result of the analysis, it has been established that the differences are caused both by the typological features of the languages and by the deep specificity of legal families (common and continental law). Ways to minimize semantic losses in translation are proposed.

For citation

Vlasenko N.I. (2026) *Perevodcheskie aspekty semanticheskikh nesootvetstviy v ugovno-pravovoy terminologii (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Translation Aspects of Semantic Discrepancies in Criminal Law Terminology (Based on the Material of the Russian and English Languages)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (6A), pp. 350-356. DOI: 10.34670/AR.2026.51.91.042

Keywords

Criminal law terminology, semantic discrepancy, comparative law, English law, legal translation, equivalence of terms, common law, continental law.

References

1. Alekseyev S.S. (2010). *Pravo: azbuka — teoriya — filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – Theory – Philosophy: An Essay in Comprehensive Research]. Moscow: Statut.
2. Vinogradov V.S. (2001). *Vvedeniye v perevodovedeniye (obshchiye i leksicheskiye voprosy)* [Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues)]. Moscow: Publishing House of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education.
3. Gubayeva T.V. (2012). *Lingvistika prava i yuridicheskaya lingvistika: sootnosheniye ponyatiy* [Linguistics of Law and Juridical Linguistics: The Relationship of Concepts]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki*, 4, 8-13.

-
4. Uголовный кодекс Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ (red. ot 20.03.2024) [Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 20.03.2024)]. (1996). *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 25, Art. 2954.
 5. Cabré M.T. (1999). *Terminology: Theory, Methods and Applications*. Amsterdam: John Benjamins.
 6. Card R. (2020). *Card, Cross and Jones: Criminal Law*. 23rd ed. Oxford: Oxford University Press.
 7. David R., Jauffret-Spinozi C. (2016). *Les grands systèmes de droit contemporains*. 12e éd. Paris: Dalloz.
 8. Fletcher G.P. (2000). *Rethinking Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press.
 9. Ormerod D., Laird K. (2021). *Smith, Hogan, and Ormerod's Criminal Law*. 17th ed. Oxford: Oxford University Press.
 10. Price D. (2019). *Defamation: Law, Procedure and Practice*. 5th ed. London: Sweet & Maxwell.
 11. Smith J.C., Hogan B. (2018). *Criminal Law: Cases and Materials*. 15th ed. London: LexisNexis.